

№

АНТРАКТЪ

33.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города приплачивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи Ив. Ив. Смирнова на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова.

Содержаніе: Еще по поводу классическихъ пьесъ на московской сценѣ. — О будущемъ Артистическаго кружка. — Письмо къ редактору. — Смѣсь (Новыя пьесы. Вальсъ. Ангажементъ. Новая опера. Подарокъ. Оперы въ Прагѣ. Капелла изъ славянскихъ музыкантовъ. Спектакль въ Зальцбургѣ. Запрещенное представленіе. Музыкальная поэма. Представленіе новой оперы Флотова. Роже. Представленія офенбаховской оперы. Концертъ — monstre. Лагруа. Садъ Михайловскаго дворца. Предстоящія новости петербургскихъ театровъ. Нижегородскій театр). — Ответы редакціи.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ КЛАССИЧЕСКИХЪ ПЬЕСЪ НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНѢ.

Въ послѣдніе три, четыре года на нашей сценѣ стали время отъ времени ставиться пьесы того репертуара, который по праву можетъ назваться все-свѣтлымъ, такъ какъ давно успѣлъ сдѣлаться достояніемъ и фондомъ для сценъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Мы много ждали отъ такого пополненія репертуара и для нашей сцены, много радовались этому и не скрывали этихъ надеждъ и этой радости. Дѣло, по нашему крайнему разумію, принимало самый желанный оборотъ, получало слишкомъ хорошее направленіе. Мы думали, что этотъ переломъ къ лучшему не есть ничто случайное, преждевременное, а что совершился онъ въ силу необходимости и явился послѣдовательнымъ результатомъ стеченія обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, надъ чѣмъ только не упражнялись въ послѣдніе два десятка лѣтъ актеры драматической труппы нашей! Память о добромъ старомъ времени съего болѣе разборчивымъ и строгимъ отношеніемъ къ искусству, съ его болѣе или менѣе серьезнымъ направленіемъ репертуара поддерживалась еще, хоть и съ немалымъ трудомъ, покойнымъ Щепкинымъ, немногіе бенефисы котораго обходились бывало безъ классической пьесы. Но и только: Щепкинъ въ этомъ случаѣ стоялъ совершенно особнякомъ. За тѣмъ на сценѣ русской (и въ Москвѣ у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ вѣбудь) царилъ въ полномъ смыслѣ этого слова французская мелодрама, и царилъ долго, и царилъ невзбранно. Мало по малу злокачественный чадъ, долго застилавшій глаза и актерамъ и зрителямъ, началъ разсѣиваться, сдѣлавъ свое дѣло и оставивъ по себѣ очень замѣтныя слѣды въ порчѣ вкуса. Дѣло, которое взяло на себя многіе годы, предстало наконецъ во всей наготѣ, пустотѣ и несостоятельности своей передъ усердствовавшими дѣятелями. Надобно было бросить его и взяться за какое вѣбудь другое. За что же однако было взяться? Вопросъ довольно нелегкій для разрѣшенія, а вре-

мени (да, пожалуй, и охоты) думать надъ нимъ не было. Взялись за первое подвернувшееся подъ руку; а чему же было и подвернуться на этотъ случай подъ руку, какъ не разнаго рода оригинальнымъ пьесамъ, которыя, оттертыя со сцены мелодрамами, тѣмъ не менѣе писались и должны были, въ ожиданіи очереди, накопиться во многомъ множествѣ. Вотъ это-то многое множество и хлынуло на сцену. Ни одинъ, рѣшительно таки ни одинъ бенефисъ не проходилъ безъ оригинальной новости; отъ этихъ оригинальныхъ новостей публикѣ не давали, что называется, ни отдыха, ни сроку. Усердіе актеровъ не уступало усердію авторовъ. Но первые опять мало по малу стали замѣчать явленіе далеко неутѣшительное: тяжелая работа не приводила ни къ какимъ почти результатамъ; сдѣлели послѣ обильнаго, непрестаннаго снѣганія, не имѣли жатвы. Изъ массы переигранныхъ съ этого времени на нашей сценѣ оригинальныхъ пьесъ въ достояніе репертуара обратились только нѣкоторыя (немногія, и далеко не всѣ изъ явившихся на сценѣ) пьесы Островскаго, да единственная пьеса Сухова-Кобылина. Все остальное — трухой просіялось сквозь сито, отнявъ слишкомъ большое количество времени у актеровъ, непроизводительнымъ образомъ трудившихся надъ просѣявшимися пьесами, и у зрителей, безконечно скучавшихъ надъ ними. Изъ огня попали въ огонь же. Опять предстояло подумать о скорѣйшемъ выходѣ изъ тяжелаго и смѣшнаго положенія, но уже на этотъ разъ подумать посерьезнѣе. Задавшіеся этимъ трудомъ болѣе внимательныя къ своему дѣлу актеры увидали, что выходъ возможенъ только въ одну сторону, и попытались обратиться къ тому матеріалу, который давно установился въ цѣнѣ для актеровъ другихъ просвѣщенныхъ націй, — взялись за классическія пьесы. Въ пользу ихъ попытки припомнилось имъ, что еще не въ очень-то далекомъ прошломъ московская публика была слишкомъ неравнодушна къ немногимъ изъ представлявшихся передъ нею прежде пьесъ этого рода, изъ которыхъ нѣко-

торья сдѣлались лакомою пищею даже для востребованныхъ посѣтителей театра. Препятствій было много; но смѣлымъ владѣть Богъ: попытка была сдѣлана и удалась. Пытавшіеся встрѣтили недоброжелательство съ разныхъ сторонъ, но только не со стороны публики. Могли ли мы молчать въ виду всего этого и не отозваться словомъ сочувствія на то, что вполнѣ стоило этого сочувствія? И мы отъ всей души сказали это слово. Мы хотѣли посылить помочь прекрасному начинанію, чѣмъ могли; но, къ сожалѣнію, могли-то мы сдѣлать только очень и очень немногое: мы предваряли и сопровождали представленіе на нашей сценѣ возможностью всякой классической піесы объяснительными статьями, которыми хотѣли остановить на этихъ піесахъ большее вниманіе и публики, и актеровъ. Вотъ все, что было въ нашихъ средствахъ. Дѣлая это немногое, мы хотѣли только отчасти содѣйствовать добродѣлю и отнюдь не воображали, чтобы это обстоятельство подало кому нибудь и когда нибудь поводъ приписывать намъ чуть не починъ въ этомъ, хоть и прекрасномъ, но все же не нашемъ дѣлѣ. Правда, иногда люди, болѣе доброжелательные намъ, приписывали нашему изданію долю участія въ дѣлѣ обогащенія репертуара нашей сцены классическими произведеніями; но мы видѣли въ этомъ или желаніе сказать намъ лишнее пріятное слово, или же просто заблужденіе: намъ приписывали то, что намъ на самомъ дѣлѣ вовсе не принадлежало, и приписывали только потому, что наше изданіе внимательнѣе другихъ московскихъ изданій отнеслось къ появленію классическихъ піесъ. Съ теченіемъ времени мнѣніе о вліяніи нашего изданія на перемену въ репертуарѣ стало высказываться печатно и людьми, совершенно индифферентными. Такъ, когда прошлаго года въ петербургской журналистикѣ наполовину съ завистью, наполовину съ недоумѣніемъ, стали указывать на обновляющуюся дѣятельность московскаго Малаго театра, одна изъ тамошнихъ газетъ (Русскій Инвалидъ) безъ околичностей приписала намъ починъ дѣла, по которому мы (много, много сказать) имѣли развѣ только неослабное хожденіе. Наконецъ теперь намъ довелось тоже самое слышать изъ устъ нашихъ недоброжелателей. Въ 224 № Голоса, московскій фельетонистъ этой газеты, писанія котораго доставляютъ такую обильную и постоянную пищу для соображеній Темныхъ людей, печатающихъ время отъ времени въ «Антрактѣ» ихъ письма, и расположеніемъ котораго какъ мы, такъ и наше изданіе не пользуемся, — написалъ намъ такой панегирикъ, какой мы не могли бы рассчитывать слышать даже отъ человѣка, наиболѣе расположеннаго къ намъ; и замѣчательнѣе всего то, что этотъ панегирикъ сорвался съ языка фельетониста, ибо высказанъ имъ въ припадкѣ самаго сильнаго раздраженія противъ насъ, самой ярой, хотя и донельзя безсильной злобы. Наговоривъ много пикантностей намъ, обозвавъ «Антрактъ» курьезною газеткою, озлобленный и задыхающійся отъ гнѣва фельетонистъ тутъ же говоритъ, что въ угоду этой курьезной газеткѣ — наши оригинальныя драматическія произведенія

уступили совершенно мѣсто классическимъ. Но этого мало. Въ качествѣ (выраженіе самого С. П.) московскаго корреспондента «Голоса», фельетонистъ беретъ говорить обо всемъ, мечется изъ стороны въ сторону, безпрестанно забирается въ области, совершенно чуждыя и невѣдомыя ему, о которыхъ часто повѣствуетъ не мало диковиннаго. Мы не думаемъ поэтому останавливаться на кучѣ словъ, бросаемыхъ на вѣтеръ досужимъ фельетонистомъ, и поручаемъ порыться въ этой кучѣ «Темнымъ людямъ», которые найдутъ въ ней не мало жемчужныхъ зеренъ. Но мы не хотимъ оставить безъ вниманія приведенной въ фельетонѣ С. П. выдержки изъ письма одного изъ старыхъ артистовъ, который пишетъ по желанію многихъ. Не имѣя основанія сомнѣваться, что это дѣйствительно голосъ артиста, мы останавливаемся на немъ, какъ на голосѣ чело-вѣка, который говоритъ, по своему разумію, о своемъ дѣлѣ. Пишущій по желанію многихъ одинъ изъ старыхъ артистовъ прежде всего сѣтуетъ на то, что «въ угоду нѣкоторымъ рецензентамъ публики угощаютъ сальностями, о которыхъ прежде никто не мечталъ, отъ чего теряютъ и дирекція и «бенефицианты». Прочитавъ эти строки мы такъ и думали, что тутъ рѣчь идетъ о нелѣпѣйшихъ оригинальныхъ піесахъ, изъ которыхъ рѣдкая не находитъ себѣ одобренія у рецензентовъ того или другого изданія и изъ которыхъ въ рѣдкой не имѣется эпизодовъ, беззастѣнчиво живописующихъ сальныя стороны отношеній двухъ половъ. Мы думали, что несомнѣнно отъ этихъ только піесъ и могутъ терять и дирекція и актеры, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ (пресловутый *Гражданскій бракъ* въ день открытія Малаго театра послѣ поста едва далъ половину сбора), что только подобныя піесы не могутъ служить заманкой для публики и дѣлать честь той сценѣ, на которой онѣ являются. Но каково же было наше изумленіе, когда изъ слѣдующихъ же затѣмъ строкъ мы узнали, что одинъ изъ старыхъ артистовъ — бенефициантовъ велѣтъ рѣчь о піесахъ классическихъ, а эти нѣкоторые рецензенты, въ угоду которымъ яко-бы ставятся на нашей сценѣ эти піесы, — мы, и мы одни. Одинъ изъ старыхъ артистовъ прямо говоритъ: «Если кто изъ насъ (бенефициантовъ) дерзнетъ поставить оригинальное драматическое произведеніе, то Антрактъ принимается почти ругаться» (sic!). И такъ, все дѣло для одного изъ старыхъ артистовъ — въ «Антрактѣ»; изъ за «Антракта» поднимается имъ и весь шумъ, по желанію многихъ. «Антрактъ» почти ругается! Очень бы интересно было узнать, когда, кого, за что и какъ почти ругалъ «Антрактъ». И значить ли ругается — называть вещи ихъ настоящими именами? Ругается ли «Антрактъ», когда не обинуясь, прямо и безъ околичностей, но не безъ доказательствъ и не безъ доводовъ называетъ плохое — плохимъ, пустое — пустымъ, бездарное — бездарнымъ? И какими сальностями, о которыхъ прежде никто не мечталъ, теперь въ нашемъ театрѣ угощаютъ публику — въ угоду «Антракту»? Особенности симпатій

свой «Антрактъ», правда, высказывалъ и высказы-
ваетъ ко всему истинно-художественному, что
является на нашей сценѣ; «Антракту» всегда были
особенно дороги образцовыя произведенія немногихъ
русскихъ и иностранныхъ классиковъ. Итакъ, если
въ угоду «Антракту» и могли чѣмъ-нибудь угощать
публику, то развѣ этими классическими пісами.
Ужъ не эти-ли классическія пісы одинъ изъ ста-
рыхъ артистовъ по желанію многихъ — называетъ
сальностями? Интересная новинка! Крайне выгод-
ное понятіе даетъ одинъ изъ старыхъ артистовъ о
развитіи, пониманіи и вкусѣ тѣхъ многихъ, желаніе
которыхъ высказываетъ онъ. Впрочемъ, можетъ быть,
мы и ошибаемся: можетъ быть одинъ изъ старыхъ
артистовъ ведетъ рѣчь о чѣмъ-нибудь другомъ, о
какихъ-нибудь дѣйствительныхъ сальностяхъ. Мы
говоримъ: *можетъ быть*, потому, что, признаемся,
плохо понимаемъ рѣчи одного изъ старыхъ арти-
стовъ, которыя очень противорѣчивы и сбивчивы.
Такъ, нѣсколько ниже, говоря какъ будто все о
томъ-же, онъ утверждаетъ, что «публика не вѣритъ
«восхваленіямъ», разсыпаясь *жеклассическими*
«произведеніямъ и сборы нашихъ спектаклей луч-
шее тому доказательство». Просимъ кого угодно
додуматься, о чѣмъ тутъ говорить или по крайней
мѣрѣ хочетъ говорить одинъ изъ старыхъ артистовъ.
О какихъ *жеклассическихъ произведеніяхъ* трак-
туетъ онъ? Какимъ *жеклассическимъ* произведе-
ніямъ *разсыпаются* у насъ *восхваленія*, когда и гдѣ?
О какихъ *сборахъ съ жеклассическихъ произведеній*
толкуетъ одинъ изъ старыхъ артистовъ, когда на
нашей памяти сцена Малаго театра со времени при-
ѣзда Рашели (дѣтъ 13 тому назадъ) не давала ни
одного *жеклассическаго произведенія*? *Восхваленія*,
можетъ быть, и являлись, и даже являлись въ «Ан-
трактѣ», но только такимъ произведеніямъ, каковы
игранныя въ послѣднее время на нашей сценѣ пі-
сы Шекспира, Кальдерона, Мольера. Кого-же изъ
этихъ трехъ истинно великихъ художниковъ-дра-
матурговъ, стало быть — *классиковъ* по преимуще-
ству, *классиковъ* — по давнему и всеобщему призна-
нію, разжалуетъ *одинъ изъ старыхъ артистовъ* — въ
жеклассики? Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ.
Одно изъ двухъ: или это логическая неурядица и
очень обыкновенное теперь въ печати нашей неу-
мѣнье *выражаться* по русски сколько-нибудь по-
нятно, или же странное непониманіе самыхъ упо-
требительныхъ словъ. Понятія о *классицизмѣ* и
жеклассицизмѣ настолько установились, что цутать
свѣтъ-нихъ — болѣе, чѣмъ странно, а *одному изъ арти-
стовъ* — просто неизвинительно, хотя бы даже и по его
старости. Астрономію, науку о строеніи и теченіи не-
бесныхъ свѣтилъ, никто не назоветъ физикою (въ
переводѣ: наукою о природѣ), хотя астрономія,
какъ и физика, тоже имѣетъ дѣло съ явленіями
природы. Кажется, это ясно. Далѣе *одинъ изъ ста-
рыхъ артистовъ* говоритъ о *неумѣстности деспотиз-
ма* «Антракта», по поводу симпатій послѣдняго къ
пісамъ классическимъ, и находитъ объясненіе это-
му деспотизму — въ *мелкомъ, раздраженномъ само-
любьи*. Но въ силу какого-же *мелкаго раз-
драженнаго самолюбья* вздумалось бы «Ан-

тракту» распинаться за классическія пісы? Наше
самолубіе (или, пожалуй, *самолюбьишко*), какъ
бы оно *мелко и раздражительно* ни было, не могло
и не можетъ найти себѣ въ этомъ отношеніи пищи.
Наши личные интересы тутъ, болѣе чѣмъ гдѣ ни-
будь, ни при чемъ: сами мы классическихъ пісѣхъ не
переводимъ и не думаемъ переводить; да до сихъ
поръ на нашей сценѣ не шла ни одна классическая
піса въ переводѣ кого либо и изъ ближай-
шихъ сотрудниковъ нашихъ. Если еще самолю-
біе наше и можетъ въ этомъ отношеніи быть удов-
летворено чѣмъ-нибудь, такъ это развѣ только тѣмъ,
что иное сказанное нами слово не скажется на
вѣтеръ, не молвится мимо и подчасъ, можетъ быть,
примется кѣмъ-нибудь къ свѣдѣнію. Но вѣдь въ этомъ
случаѣ самолюбіе удовлетворяется простымъ со-
знаніемъ, что дѣлаемое нами дѣло проходитъ не со-
всѣмъ безслѣдно. Что же однако въ этомъ сознаніи —
мелочнаго и раздражительнонаго? И не всякій ли дѣтель
во всякаго рода дѣятельности дорожитъ этимъ
сознаніемъ не безполезности своего дѣланія? Безъ стре-
мленія добыть себѣ это сознаніе, человекъ можетъ лег-
ко взяться и за наливаніе водою бездонной бочки. «Ес-
ли русская драматургія слаба, то надо поддержать ее,
а не давить — продолжаетъ *одинъ изъ старыхъ ар-
тистовъ*. Но кто же *давитъ* слабую русскую дра-
матургію? Все таки опять «Антрактъ»? Что пони-
маютъ *одинъ изъ старыхъ артистовъ* подъ выраже-
ніями: *поддерживать драматургію и давить ее*? Го-
ворить автору плохой пісы, что піса его недурна,
что сказать не должно — ее безъ скуки слушать можно,
поощрять его подвизаться на томъ же поприщѣ
въ томъ же родѣ — значитъ-ли, по разумѣнію, *одного
изъ старыхъ актеровъ — поддерживать слабую дра-
матургію*? Говорить такому неудавшемуся драма-
тургу, чтобы онъ не слишкомъ торопился, не со-
вался въ воду, не искавъ броду, чтобы онъ на
время посторонился съ своими плохими произве-
деніями и уступилъ бы мѣсто произведеніямъ
истинно-великимъ и образцовымъ, чтобы хоро-
шенько, внимательнѣе поприсмотрѣлся къ нимъ и
поучился на нихъ — значитъ-ли, по разумѣнію *одного
изъ старыхъ артистовъ*, — *давить слабую драматур-
гію*? Тѣмъ-ли *поддерживаетъ* мать *слабую* нравствен-
ность своего ребенка, что, замѣчая его шалости,
не думаетъ останавливать его, а даетъ ему шалить
въ волю и заставляетъ въ конецъ измалиться?
Тѣмъ-ли *давитъ* мать *слабую* нравственность сво-
его ребенка, что, называя дурные поступки его
дурными, обращаетъ его къ добрымъ, хорошимъ
примѣрамъ? Отсутствие на сценѣ хорошихъ образ-
цовъ едва ли можетъ содѣйствовать развитію ориги-
нальной драматической литературы. На этотъ случай
дѣло не остановится и за примѣрами. Возьмемъ нароч-
но двухъ современныхъ драматурговъ, различныхъ
по силамъ и средствамъ, — Островскаго и Дьяченко.
Оба они плодотворѣе другихъ драматурговъ, оба они
были предоставлены самимъ себѣ; первый изъ нихъ по-
стоянно находилъ себѣ всестороннюю и сильную под-
держку, если говорить языкомъ *одного изъ старыхъ
артистовъ*, т. е. перваго изъ нихъ за все и вездѣ вплоть
до послѣдняго почти времени хвалили и захваливали.

Что же оказалось въ результатъ подобнаго способа *поддерживать*? Талантливый Островскій отъ «Своихъ людей — сочтемся» черезъ длинную вереницу писъ низошелъ до безкуплетныхъ водевилей — Бальзаминиадъ, «Пучинъ», а въ историческомъ родѣ — до «Минина» и «Тушина». Усердный, хотя и гораздо менѣе счастливый на *поддержку*, Дяченко совершилъ такое же нисхождение отъ наиболѣе сносной «Жертвы за жертву» до наименѣе сносныхъ «Свѣтскихъ ширмъ». Вотъ альфы и омеги, которыя вѣчно будутъ конечными, предѣльными точками *слабой русской драматургіи*, если только найдутся благодѣтели, которые будутъ *поддерживать* ее по системѣ *одного изъ старыхъ артистовъ*, и если не найдутся зложелатели, которые, подобно «Антракту», станутъ *давить* ее по системѣ того же *одного изъ старыхъ артистовъ*. Какъ думаетъ *одинъ изъ старыхъ артистовъ*, — куда бы зашла иѣмецкая драматургія, если бы порадовшій о ней Лессингъ не обратилъ ея по направленію къ образцамъ классической драмы? Всего же любопытнѣе заключеніе письма *одного изъ старыхъ артистовъ*, который началъ говорить одно, а договорился совсѣмъ до другаго. До сихъ поръ мы только видѣли желаніе его разбить на голову и положить въ доску классическія произведенія, которыя онъ обзываетъ *и сальностями и жеклассическими*, и вредными для дирекціи и бенефициантовъ, словомъ, трактуетъ о нихъ, какъ о чѣмъ-то безотносительно непотребномъ и недостойномъ ни одной порядочной сцены). Въ концѣ же письма онъ дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: «нельзя настаивать упрямо на классицизмѣ, когда лучшія произведенія этого рода у насъ не «возможны, но недостатку въ исполнителяхъ». Вотъ что правда — то правда! Вотъ это совсѣмъ иное дѣло! Вотъ и давно бы такъ! Вотъ отъ этого дѣйствительно *терпятъ и дирекція и бенефицианты*! Такое покаянiе въ безсиліи нашей сцены, сдѣланное печатно *однимъ изъ старыхъ артистовъ по желанію многихъ*, очень похвально, но въ то же время наводитъ на самыя мрачныя мысли. *Многіе артисты устами одного изъ старыхъ своихъ товарищей* печатно свидѣтельствуютъ, что ихъ силъ не достаетъ на *лучшія произведенія*, а что, стало быть, по плечу имъ только всякаго рода посредственность. Положеніе ужасное, даже болѣе ужасное, чѣмъ предполагали мы, чѣмъ предполагала публика! Отъ всей души желаемъ нашей драматической труппѣ поскорѣе выйти изъ него. А въ заключеніе обратимся къ *одному изъ старыхъ артистовъ* съ вопросомъ: развѣ хорошо и достойно старости, да еще повитой искусствомъ, стараться сложить свою вину на другаго? Изъ за чего же онъ такъ грозно ополчился на «Антрактъ»? Изданіе это такое маленькое, что его въ нѣкоторыхъ изданіяхъ («Голосъ» и «Моск. Вѣдомости») иначе и не называютъ, какъ *газеткой*, или *листочкомъ*, или *курьезной газеткой*; самъ *одинъ изъ старыхъ артистовъ* утверждаетъ, что *возглавлялъ «Антракта» публика не впритъ*; никакую властію «Антрактъ» не облеченъ; совѣтъ его, по увѣренію *одного изъ старыхъ артистовъ*, вредятъ и дирекціи, и бенефициантамъ; — кто же и кого же заставляетъ при всемъ этомъ дѣлать что нибудь въ

угоду этой курьезной газеткѣ, въ угоду ея мелкому, раздражительному самолюбиву? Развѣ всякій, имѣющій уши, обязанъ непременно все и вся слушать? Развѣ имѣющій уши не можетъ порой и заткнуть ихъ? Къ тому же развѣ о театрѣ говоритъ только одинъ «Антрактъ»? Развѣ не въ каждой рѣшительно газетѣ, не въ каждомъ рѣшительно журналѣ говорится у насъ о театрѣ? Развѣ у насъ наконецъ, кромѣ «Антракта», нѣтъ еще изданія, посвященнаго театру — «Театра и музыки»? А развѣ вездѣ и всѣ только и дѣлаютъ, что въ одинъ голосъ говорятъ за классическія піэсы? «Антракту» прежде вторила въ этомъ только «Современная Лѣтопись», когда въ ней статьи о театрѣ писалъ г. Н. Н. Отъ чего же не дѣлаютъ *въ угоду* другимъ рецензентамъ? Въ какомъ *неулыбливомъ деспотизмѣ* провинился «Антрактъ»? Не въ томъ ли только и провинился онъ передъ *однимъ изъ старыхъ артистовъ и многими*, что онъ смѣетъ свое сужденіе итѣть? Ну, если такъ, то этою виною «Антрактъ» будетъ виноватъ передъ разными *многими и старыми артистами* до тѣхъ поръ, пока онъ издается подъ настоящею редакціею.

Скажемъ еще разъ: силы матеріальной за нами нѣтъ; а если насъ кое-въ чѣмъ слушаютъ, то за нами, стало быть, есть сила нравственная. Эта нравственная сила наша заключается, какъ намъ кажется, прежде всего въ томъ, что дѣло, защищаемое нами, — дѣло правое, что наши симпатіи вторятъ симпатіямъ тѣхъ театральныхъ дѣятелей, которые дорожатъ своимъ дѣломъ и значеніемъ театра; а число такихъ, смѣемъ думать, во всякомъ случаѣ превышаетъ число безразличныхъ и равнодушныхъ къ своему дѣлу артистовъ, хотъ *одинъ изъ старыхъ артистовъ* и увѣряетъ, что ихъ много.

О БУДУЩЕМЪ АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА.

Съ истеченіемъ лѣта должна открыться дѣятельность Артистическаго Кружка въ новомъ помѣщеніи, при новыхъ условіяхъ. Позволяю себѣ высказать нѣсколько желаній, которыя, надѣюсь, раздѣлятся большинствомъ членовъ. Надобно желать, чтобы прежде всего, въ самое первое время возобновленія дѣятельности Кружка поставлены были въ извѣстность съ возможною точностью и полною денежныя средства Кружка, которыми онъ можетъ располагать. Однимъ этимъ только можно разсѣять всякаго рода слухи и сплетни, которые только отпугиваютъ отъ Кружка и членовъ, и гостей. Надобно желать, чтобы проэктъ розыгрыша дозволенной лоттерей былъ поскорѣе приведенъ въ исполненіе, чтобы успѣхомъ или неуспѣхомъ этого предпріятія разсѣялся туманъ надеждъ, который не только членамъ, но и старшинамъ можетъ мѣшать видѣть настоящее положеніе кружковскихъ дѣлъ въ истинномъ свѣтѣ. Надобно желать, чтобы старшины изыскали больше средствъ собирать членовъ и гостей на вечера Кружка, чтобы эти вечера были разнообразнѣе и интереснѣе по составу, а главное — чтобы они блистали если не присутствіемъ первостепенныхъ по таланту исполнителей, то от-

сутствием скуки, которая съ избыткомъ перепалла на большей части кружковскихъ вечеровъ, когда на этихъ вечерахъ читалось безъ разбору все и многое такое, чего никто и нигдѣ не рѣшилъ бы выслушивать. Надобно желать, чтобы старшины въ первые же осенніе мѣсяцы воспользовались правомъ Кружка устраивать спектакли. Объ этомъ слѣдуетъ подумать болѣе всего, такъ какъ это болѣе всего можетъ заинтересовать членовъ, привлекать большое число гостей и обратить на дѣятельность Кружка общее вниманіе. Средства для этого у Кружка есть: члены-артисты послужить своими способностями общему дѣлу. Отдѣлаться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь: разыгрывать что-нибудь старенькое — было бы только одною проформою. Члены-авторы могутъ выручить Кружокъ и съ этой стороны. Я слышалъ, что дѣйствительно для перваго спектакля Кружка пишется большое «Обозрѣніе» въ нѣсколькихъ дѣйствіяхъ, для котораго будетъ написана особенная музыка. Наконецъ, особенно надобно пожелать большаго общенія и единодушія между членами-артистами, которые должны составлять зерно Кружка, быть душою его общества и подчасъ хозяйскимъ глазомъ заглядывать съ полнымъ правомъ контроля въ бухгалтерію Кружка, за дѣла и состояніе котораго они не должны ни на минуту слагать съ себя отвѣтственность, взыкая ея только на плечи однихъ старшинъ.

Членъ Артистическаго Кружка.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Не посчастливилось моему письму, помѣщенному въ прошедшемъ № «Антракта». Вы напечатали его съ довольно рѣзкимъ замѣчаніемъ и съ заявленіемъ о томъ, что письмо мое не перемѣнило вашего мнѣнія на счетъ новыхъ парижскихъ піесъ (вы считаете ихъ плохими). Ваше заявленіе отклонило насъ отъ главной темы спора. Я вовсе не хотѣлъ говорить о томъ, хороши ли или дурны новыя произведенія современныхъ французскихъ драматурговъ. Вашъ парижскій корреспондентъ сказалъ: московскіе театральные критики были бы снисходительнѣе, еслибы имъ случилось хоть по одному разу побывать во всѣхъ парижскихъ театрахъ, такъ какъ въ Парижѣ болѣею частію даются изъ рукъ вонъ плохіе піесы. Вотъ этотъ-то приговоръ я и хотѣлъ оспорить и для этого выписалъ репертуаръ лучшихъ парижскихъ театровъ за одинъ день. Но, если хотите, оставимъ въ покоѣ бесполезный споръ о томъ, что происходитъ на парижскихъ театрахъ и займемся *нами*; они къ намъ ближе. На первый разъ я хочу сдѣлать небольшое замѣчаніе, которое, можетъ быть, съ перваго взгляда покажется мелочнымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. 16-го августа открылись театры; въ Большомъ театрѣ давали балетъ *Фаустъ*, а въ Маломъ — *Ревизора*, или *Гражданскій бракъ*. Я говорю *или* потому, что обѣ эти піесы были объявлены на 16 августа: *Ревизоръ* въ Вѣдомостяхъ

московской городской полиціи, а *Гражданскій бракъ* — въ театальной афишѣ. Такое разногласіе въ объявленіяхъ о спектакляхъ, не рѣдко бывавшее и прежде, не очень-то пріятно для публики, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти должно неблагоприятно отзываться и на театральныя сборы: не всякій получаетъ и не всякій можетъ получать театральныя афиши, а большая часть публики узнаетъ о спектакляхъ изъ Полицейской газеты. Развѣ не могло случиться, что люди, живущіе въ дальнихъ концахъ Москвы, 16 августа проѣхались въ театръ, чтобы посмотреть *Ревизора* и въ кассѣ узнали, что играютъ не *Ревизора*, а *Гражданскій бракъ*. И вотъ они возвращаются домой, прогудавшись понапрасну, и ужъ послѣ этого не слишкомъ-то скоро соберутся опять въ театръ, а къ объявленіямъ о спектакляхъ въ полицейской газетѣ потеряютъ всякую вѣру. Кто же виноватъ въ этой, разумѣется, не намѣренной мистификаціи? Можетъ быть никто! Можетъ быть невозможно устроить такъ, чтобы извѣстія о спектакляхъ въ Полицейской газетѣ печатались совершенно согласно съ извѣстіями о нихъ, печатаемыми въ театральныя афиши. Въ такомъ случаѣ ужъ не лучше ли было бы ихъ вовсе не печатать въ Полицейской газетѣ?

М. Эрлангеръ.

С М Ъ С Ъ.

Одобрены къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и препровождены на разсмотрѣніе театальной цензуры слѣдующія піесы: 1) *Демократическій подвигъ*, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Себиновой; 2) *Министръ Лува*, историческая трама въ 5 дѣйствіяхъ и 8 картинахъ, пер. съ французскаго Шиглея и 3) *Новый торговый домъ*, ком. пер. съ французскаго Владимірова.

Сынъ главнаго машиниста московскихъ театровъ, декораторскій помощникъ Карлъ Вальцъ сдѣланъ декораторомъ этихъ театровъ.

Дирекція императорскихъ театровъ ангажировала въ Парижѣ для сцены Михайловскаго театра г-жу Клариссу Мируа, на комическія роли дуэнья, г. Жанена, для такихъ ролей, какія исполняются г. Тетаромъ, и г. Фомэ, дополнительнаго же не premier.

Сѣровъ пишетъ новую оперу, сюжетъ которой заимствованъ изъ комедіи Островскаго *Не такъ живи, какъ хочется*. Либретто для этой оперы пишетъ самъ Островскій.

Россійскій Императоръ послалъ богатое брилліантовое кольцо г. Леону Делибесъ, который дирижировалъ оркестромъ, исполнявшимъ русскій маршъ въ парижскомъ Оперномъ театрѣ въ день торжественнаго спектакля.

Въ Прагѣ, кромѣ оперъ Глинки, имѣетъ большой успѣхъ польская оперетта «Сотекъ» соч. Дунтэки.

Къ предстоящему сезону готовятъ чешскія оперы: «Дамборъ» соч. г. Сметана, «Драгомира» Себора, польскую оперу «Халка» Монюско и «Русалку» Даргомыжскаго.

Чешское намѣстничество издало приказъ противъ *путешествій въ Россію чешскихъ музыкантовъ*. Теперь объясняется причина такого запрещенія: Авель Лукшичъ, бывший въ Москвѣ на выставкѣ, публиковалъ, что онъ намѣренъ составить капеллу изъ славянскихъ музыкантовъ и объѣхать съ нею русскіе города для даванія концертовъ. Онъ впрочемъ надѣется, что Чешское намѣстничество не въ силахъ будетъ помѣшать ему привести въ исполненіе его намѣреніе.

19 Августа въ Зальцбургѣ вечеромъ императоры французскій и австрійскій были въ городскомъ театрѣ въ придворной ложѣ, при вступленіи въ которую оркестръ исполнилъ французскій національный гимнъ. Придворныя вѣнскіе актеры представляли піэсу Ф. Гальма Wildfeuer. Императоръ Наполеонъ, прекрасно владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за ходомъ піэсы. Послѣ третьяго акта появились въ театрѣ обѣ императрицы и оставались до конца спектакля.

Въ день празднованія рожденія австрійскаго императора мѣстная полиція запретила читальницѣ въ селеніи Чернобылѣ (въ Крайнѣ) представленіе словенской комедіи „Bob iz Kranja“, потому что она отличается народнымъ характеромъ. Мѣстное населеніе отказалось отъ всякаго празднованія поминутаго дня.

Композиторъ оперъ г. Вестмейеръ написалъ для оркестра симфоническую поэму подъ заглавіемъ: «Видѣніе Наполеона I-го на островѣ Св. Елены», которую посвятилъ императору Наполеону. За это онъ получилъ большую золотую медаль.

Въ Берлинѣ дана была 12 августа въ первый разъ—недавно оконченная комическая опера Флотова «Цильда» (Zilda). Опера не имѣла большого успѣха.

Роже возвратился во Францію, отличившись на двухъ блистательныхъ концертахъ въ Варшавѣ. Онъ въ настоящее время отдыхаетъ въ Амбуазѣ. Петербургская консерваторія приглашаетъ его къ себѣ въ профессора пѣнія. Другіе говорятъ, что онъ будетъ преподавать пѣніе въ московской консерваторіи.

Сорокъ послѣдовательныхъ представленій оперетты «La Grande Duchesse» Оффенбаха еще не удовлетворили брюссельскую публику.

Въ концертъ-monstre въ Palais d'industrie въ Парижѣ, участвовали 300 человекъ въ оркестрѣ и 1000

въ хорѣ. Однѣхъ арфъ было 25.—Дирижировалъ Ганзель.

Пѣвица Эмма Лагуа, бывшая когда-то примадонною петербургской итальянской оперы и участвовавшая также въ Москвѣ въ концертахъ итальянцевъ, на будущей недѣлѣ будетъ вѣнчаться въ Палермо съ полковникомъ Корини, бывшимъ адъютантомъ Гарибальди.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» сообщаютъ, что Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна соизволила представить садъ Михайловскаго дворца хоръ музыкантовъ Кавалергардскаго полка, который дастъ сегодня концертъ и исполнить при этомъ піэсы, игранныя имъ на конкурсѣ въ Парижѣ.

Въ газетѣ Голосъ, сообщаютъ слѣдующія предстоящія новости на петербургскихъ театрахъ. «Представленія итальянской оперы начнутся не раньше 20-го ноября, а до тѣхъ поръ, какъ мы слышали, предполагено поставить на сцену Маріинскаго театра, кромѣ оперы г. Кашперова «Гроза» (изъ драмы г. Островскаго, который самъ же и переложилъ ее для композитора въ стихи), оперу Вагнера (Лоэнгрина). Г-жа Гранцова пріѣдетъ къ 1-му ноября, а пока передъ публикою выступятъ юные хореографическіе таланты. Г-жа Вазанъ, выпущенная нынѣшній годъ изъ петербургскаго театральнаго училища, будетъ дебютировать въ новомъ балетѣ г. Сен-Леона «Золотая рыбка» и потомъ въ балетѣ «Наяда и Рыбакъ». Спектакли нѣмецкой труппы начнутся съ 1-го сентября или съ послѣднихъ чиселъ августа. Въ персоналѣ этой труппы, какъ уже мы и упоминали, произошли нѣкоторыя перемѣны. Мы можемъ обозначить ихъ теперь нѣсколько подробнѣе. Первый комикъ труппы за послѣдній сезонъ, г. Лобе, окончательно оставилъ петербургскую сцену, и на его амбуа ангажированъ съ мюнхенскаго театра г. Филиппъ, который, какъ увѣряютъ, мало уступаетъ въ талантѣ г. Лобе; особенно же отличается онъ умѣньемъ пѣть и говорить куплеты. Сверхъ того, вновь ангажированы: г-жа Шербартъ-Флисъ, молодая актриса-пѣвица пріятной наружности, съ успѣхомъ исполнявшая, между прочимъ, роль Елены въ извѣстной оперѣ Оффенбаха, мужъ ея, г. Шербартъ, на роли первыхъ любовниковъ (онъ ангажированъ, впрочемъ, только на десять представлений); г. Тидке, на молодыхъ комическихъ роли, какъ въ комедіяхъ, такъ и въ опереткахъ. Ангажементъ четы Шербартъ и г. Тидке дастъ возможность возобновить весь почти оффенбаховскій репертуаръ; кромѣ «Прекрасной Елены» и «Орфея въ Аду», пойдутъ «Daphnis und Chloe», «Fritzen und Lieschen», «66» и многія другія, а также оперета «Die schoene Salathee», Зуппе, и «Die Wittwe starrin», Флотова. Изъ пьесъ классическаго репертуара, которымъ пока не пренебрегалъ въ Петербургѣ одинъ только нѣмецкій театръ, мы увидимъ въ нынѣшній сезонъ три комедіи Шекспира: «Зимнюю Сказку», «Что вамъ угодно» и «Сонъ въ лѣтнюю ночь», съ музыкою Мендельсона;

будетъ также поставлена драма Гете, «Торквато Тассо» и возобновлена «Жизнь есть сонъ» Кальдерона. Французскіе спектакли начнутся тоже, вѣроятно, съ сентября. И въ составъ этой труппы произведены нѣкоторые перемены; но мы не можемъ назвать въ настоящую минуту именъ новыхъ артистовъ, такъ какъ ангажементъ ихъ еще не состоялся. Одно вѣрно—что г-жа Деверіа одна, по прежнему, будетъ держать бразды своей триумфальной колесницы; соперницы у нея не будутъ. По парижскимъ слухамъ, у насъ было заявлено, что эта артистка играла въ Парижѣ и не имѣла успѣха. Теперь насъ положительно увѣряютъ, что она не появлялась ни на одномъ изъ парижскихъ театровъ и ограничилась только тѣмъ, что вематривалась въ игру г-жи Шнейдеръ, у которой успѣла перенять много особенностей ея исполненія, такъ что поклонникамъ г-жи Деверіа придется встрѣтиться, при возобновленіи «Прекрасной Елены», со многими новыми чертами въ исполненіи этой роли.

На нижегородской ярмаркѣ двѣ труппы—русская мѣстная, съ пріѣзжими артистами гг. Нильскими и Разказовымъ, и французская, подъ дирекцію Рафаэля Феликса. Русская, главнымъ образомъ, выучается «Смертью Іоанна Грознаго». Французская ведетъ свои дѣла весьма плохо, не смотря на то, что трупъ

на весьма недурна, а комикъ Равель и г-жа Дешанъ замѣчательные артисты.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

В. Д. С—су.—Благодаримъ васъ за присылки. Пользуемся ими по мѣрѣ возможности. Желали бы видѣться съ вами.

—су.—«Замѣткою» вашею воспользуемся въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Антракта». Что же касается до очерка изъ театрално-литературныхъ нравовъ «Еще бенефисный человѣчекъ, или человѣкъ на всѣ руки», то затрудняемся дать вамъ рѣшительный отвѣтъ. Мы не только допускаемъ возможность существованія господъ, подобныхъ герою вашего очерка, но сами хорошо знаемъ, что они дѣйствительно существуютъ; тѣмъ не менѣе думаемъ, что подобные экземпляры—явленіе слишкомъ исключительное, едва-ли совмѣщающее въ себѣ столько типическихъ чертъ, чтобы оно могло имѣть безотносительный, общій интересъ. Впрочемъ мы подумаемъ. На случай помѣщенія очерка, выговариваемъ себѣ право сдѣлать въ немъ нѣкоторыя видоизмѣненія и сокращенія, такъ какъ онъ можетъ быть напечатанъ только въ одномъ номерѣ.

Ред. А. Баженовъ. Изд. Н. Смирновъ. (Ред. на Молчановкѣ, въ Годенскомъ пер., въ д. Дурновой.)

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ

НОВАГО ПОЛУЧЕНІЯ

ВЪ МАГАЗ: **БИТЕПАЖА** издѣлій,
на Ильинкѣ ряд. съ магазиномъ Матѣе. 0—191.

ПЛАТКИ ВИГОНЕВЫЕ И ШАЛИ

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ ПОЛУЧЕНЫ

ВЪ МАГАЗ: **БИТЕПАЖА** издѣлій,
на Ильинкѣ ряд. съ магазиномъ Матѣе. 0—190.

ОБОИ. ВЪ МАГАЗИНЪ ДАБО,

ПРИДВОРНАГО

ПОСТАВЩИКА

на Кузнецкомъ мосту,

ПОЛУЧЕНЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ:

ДЕШЕВЫХЪ ОБОЕВЪ ВЪ 20 к. 25 к. и 30 к., обоевъ высшихъ сортовъ, а также бордюръ и багетовъ. 51—188.

ОБОИЧАТЕЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ: ОСТАВШИЕСЯ ОТЪ ПРЕЖНЯГО СЕЗОНА

ВОЛОСЯНЫЯ ШЛЯПКИ: бѣлыя и черныя дамскія СОЛОМЕННЫЯ круглыя итальянскія, БАРХАТЪ неразрѣзной разныхъ цвѣтовъ, ЛЕНТЫ гладкія и клѣтчатыя, КРУЖЕВА черныя шелковыя, Имитация камбре, ВОРОТНИЧКИ съ рукавами шитые по полубатисту, кожаные КУШАКИ, ЮБКИ шитыя, ВУАЛЕТКИ, КРЕПЪ черныя, ТЮЛЬ, БЛОНДА, ПЕРЬЯ черныя, дикія, пунцовыя. Потому что Желая прекратить торговлю этимъ товаромъ, а потому прошу воспользоваться этимъ случаемъ и купить дѣйствительно дешево: ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ отъ 25 коп. и дороже, СИТЦЫ 1-й доброты по 25 коп. Французскій ПЕРКАЛЬ, БРИЛЛАНТИНЪ, ПИКЕ, БѢЛЫЕ АНГЛІЙСКІЕ БУМАЖНЫЯ ТОВАРЫ, ЧЕРНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ ЛІОНСКІЯ МАТЕРІИ, ПУДЕСУА, ФАЙ, ГРО-ГРО, РЕПСЪ, ГОЛЛАНДСКОЕ ПОЛОГНО, ПЛАТКИ полотняные, батистовые, СКАТЕРТИ СЪ САЛФЕТКАМИ и другіе товары продаются у меня дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, на Кузнецкомъ мосту близъ булочной, у

ЕВ. ЕФ. ЗВЪРИЩЕВА.

7—164.

ДВѢ КОЛЯСОЧКИ

дѣтскія, дѣланныя на заказъ, англійскаго фасона съ верхами и перекидкою русскою назадъ и впередъ, чрезвычайно удобныя для катанья дѣтей, продаются за недорогую цѣну — **ВЪ ДЕПО ИГРУШЕКЪ ГУБКИНА**

въ началѣ Газетнаго переулка.

4—189.

ФЕЙЕРВЕРКИ

дѣтскія, садовые и комнатныя; на полевые принимаются заказы — **ВЪ ДЕПО ИГРУШЕКЪ ГУБКИНА**. Тутъ же продается ПЕРСИДСКАЯ РОМАШКА, небывалая по своей силѣ; цѣна за 1 ф. 80 к. $\frac{1}{2}$ ф. 40 к., въ началѣ Газетнаго переулка.

1—187.